

ИГОРЬ ОСИПОВ

НЕКРОМАНТ

НОВЕЛЛА О НЕПУТЕВОЙ УЧЕНИЦЕ

ИДДК

Игорь Осипов

**Некромант. Новелла
о непутёвой ученице**

«ИДДК»

2019

Осипов И. В.

Некромант. Новелла о непутёвой ученице / И. В. Осипов —
«ИДДК», 2019

Беда никогда не приходит одна. Вот и к отставному легионному некроманту, члену гильдии мастеров мёртвых, она пришла вместе с племянницей, которую он взял в ученицы. Что, казалось бы, может случиться? А случается шторм, и галера разбивается во время странствия во вражеских водах, и предстоит спасать не только свою шкуру, но и шкурку непутёвой ученицы. И для спасения нужно обучить девушку ремеслу некромантии в кратчайшие сроки. А это заставить нежить сражаться, строить убежище, собирать обломки разбитого судна и прочее, прочее, прочее. Да к тому же последам идёт погоня, и ставка в этой гонке – жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Игорь Осипов

Некромант. Новелла о непутёвой ученице

Глава 1

Рабы живые и мёртвые

– Решай скорее, ты с живыми или мёртвыми? – шептала на ухо смерть, сжимая свои сухие руки на самом сердце и застыла глаза тьмой великой бездны.

А мертвецы шли в бой плотной массой, чавкая по раскисшей глине долины, шли, не ведая ни усталости, ни страха, ни жалости. Частые молнии выдёргивали их тёмные силуэты из черноты ночного ливня. Они шли, тускло поблёскивая стальными масками на лицах, щитами и наконечниками копий, а впереди кипел бой. Пылая белым огнём, девять рыцарей Белого Пламени рубили своими двуручниками наседающих на них воинов смерти. Их движения тоже были сродни тем молниям, из которых, казалось, они родились – быстрые, точные, разрушительные. Я видел их силуэты, но не мог различить лица, хотя они никогда не носили шлемов, лишь обручи, сияющие тонким ободом света вокруг голов.

– Решай же, – шептало дитя безумия и ночи, играя пальцем на нити моей судьбы, словно на струне арфы, и мотив её был прост.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук. Так бьётся человеческое сердце.

Я стоял, а мертвецы обходили справа и слева, словно для них меня не было, они лишь толкались под руки в своём обречённом шествии. Они шли, а я глотал ртом воздух, держась за проткнутое арбалетным болтом плечо и истекая кровью. Они проходили мимо, а я готовился стать одним из них, не имевших ни души, ни жизни, ни собственной воли солдат.

Внезапно один из мёртвых встал передо мной.

– Господин, – позвал он смутно знакомым голосом, – господин, проснитесь...

Голос ключника выдернул меня из того кошмара, который преследовал почти каждую ночь. Кошмара, отзывающегося болью в давно зажившем плече, куда когда-то угодила отравленная стрела, поставив на колени перед богинями, плетущими нити людских судеб, поставив перед выбором, и я решил цепляться за жизнь.

– Господин, – повторил тот.

Я открыл глаза, шершавые изнутри, как кора дерева. Ключник стоял в трёх шагах от большой деревянной бадьи, в которой я начал засыпать, разнеженный тёплой водой, треском огня в открытом очаге и переливами канареечной песни.

– Что тебе? – неохотно отозвался я, положив руку на край бадьи.

– Надо зерно перетаскать из амбара на сушильню, не то задóхнет. А там мертвяки этого, того.

– Чего того?

– Ну как они будут зерно тягать, ежели тухнуть начали. Так вся пшеница пропахнет падалью.

– Прямо-таки все? – спросил я, глядя в высокий тщательно побеленный потолок.

– Ну, не все, но много. Господин Мостисав нам обещал парочку свежих со скидкой. И обязательство даёт, что тех не менее пяти лет гниль не тронет.

– Сколько протухло? – переспросил я у слуги, мысленно матерясь и зарекаясь покупать в порту дешёвых отрупов.

– Четыре, господин.

– Тьфу ты, я уже думал не меньше десятка.

– Нет-нет, только четыре, господин.

– Хорошо, возьми. Только завтра, сегодня тебе этих вполне хватит.

– Да, господин, – ответил ключник, сделав чуть заметный поклон.

Когда расторопный слуга вышел, я снова закрыл глаза, погружившись поглубже в остывающую воду. Головная боль отозвалась внутри меня протяжным стоном. Последняя амфора вина была действительно лишней и хотелось лежать вот так, без движения, целую седмицу.

– Ну, у тебя и рожа, – раздался рядом ехидный девичий голос.

– Мира, тебя не учили, что врваться к старшим без разрешения не принято? – пробормотал я, поднимая тяжкие веки, принимая более ровное положение тела и сгребая ароматную пену на середину бадьи. – Я не одет, между прочим.

Гинэй стыда никогда не шептал мне ни единого слова при служанках и рабынях, они на то и есть. Но сейчас не тот случай. Совершенно не тот.

– А то я на состязаниях атлетов не была, – заговорила девушка, – Там все бегают и борются в воздушной тоге. Это как бы голышом. И на празднике плодородия будто не была. Там избранные вообще прилюдно...

– Хватит, Мираэль, то атлеты и избранные, а я родной дядя, и здесь не стадиатр и не храм. Не надо из себя строить взрослую циничную матрону. Тебе всего пятнадцать, – произнёс я, глядя на невысокую смуглую девчурку с карими глазами и длинными вьющимися чёрными волосами. Глаза были большими, а лицо худеньким, совсем как у матери. Через два-три года девушка наполнится соком женственности, и отбоя от женихов не будет. Немного портили внешность отцовы густые брови, но у женщин много хитростей, чтоб выгодно показать себя. – К тому же нагота священна и не для повседневной суеты, – продолжил я. – Не зря же одежду боги нам даровали. Лучше кинь полотенце.

– Если скажешь «пожалуйста» и признаешь, что мне уже пятнадцать. Я взрослая, – произнесла она, сделав ударение на слово уже.

– Нет. Я лучше отцу расскажу. Он быстро объяснит, сколько тебе лет. И что ты, хочешь знать, здесь делаешь?

– А ты не помнишь? – съязвила племянница, взяв с серебряного блюда яблоко. – А-а-а, кислое.

– Полотенце.

– На!

Поймав толстый свёрток мягкой ткани, я обвёл взглядом большую светлую комнату с огромными, почти в размер стены, окнами, выходящими на город с его резными колоннами двухэтажных усадеб, крытых яркой черепицей всех цветов радуги, дворов, утопающих в зелени виноградных лоз и оливковых роц, бескрайнее тёплое море и такое же бескрайнее небо, разбавленное редкими облаками. Светло-голубые занавески, прибранные по бокам оконных проёмов, колыхались под тёплым ласковым ветром, несущим запахи солёной воды и спелых фруктов и крики чаек.

На маленьком столике лежали чистые вещи, в которых я вскоре отправлюсь на свою суточную смену служения, а в самом углу сидела на крохотной скамейке рабыня.

Я скривился, силясь вспомнить, откуда она здесь взялась.

– Это кто?

– Это папа привёз, – отозвалась Мира, захрустев спелым яблоком позади меня. – Мама сказала, чтоб дома этой гадости не было.

Точно. Её мне вчера брат подарил, вернувшись из странствий. Как же, правая рука командующего экспедиционным легионом. Тащит домой всякое. Да хранят боги единоутробного засранца, с которым мы возливали вино до самого утра. Это из-за него у меня голова болит. Но не спорю, харизское было отменное.

– И он спихнул это мне, – пробормотал я. – О, великие небеса.

– Не спихнул, а подарил, – поправила меня Мира.

Судя по внешности, худющая ярко-рыжая веснушчатая девушка родом из северных островных княжеств. Тяжко ей придётся в наших тёплых краях. Только и успевай глядеть за ней, чтоб не напекло темя, а кожа не пошла волдырями.

Я встал из бады, быстро обернувшись полотенцем, и направился к своему подарку, оставляя цепочку мокрых следов на тонких гранитных плитках. Девушка сжалась в комок от страха. Ещё бы, ведь перед ней стоял ужасный некромант, повелитель мёртвых, мучитель и убивец, который в мрачном подземелье заживо потрошит своих беззащитных жертв и снимает с них кожу. На севере мы главная страшилка для детей, хотя пребывая в похмелье, я должно быть действительно выглядел воплощением зла. К тому же у неё на родине не было рабства, и это тоже один из их кошмаров. А у нас существовало, но во владении живым человеком не было особой необходимости, поднятые мертвецы в полной мере заменяли собой раба в не обременённом размышлениями труде, не просили еды, не спали и не уставали. Владение живым человеком превратилось в роскошь.

Я прикоснулся к девушке, так как надо её ощупать на предмет повреждений. Пальцы медленно прошли по голове, а подушечки начало покалывать от колдовства, впитывая знания о теле. Сотрясений нет, слух в норме, ударов и ран не было. Это хорошо. Но процедуру осмотра нужно завершить.

– Гашпадин, пажалушта, нет, – тихо запричитала девушка, когда рука скользнула ниже, по шее и груди к низу живота под льняной сарафан, остановившись там, где под кожей живота скрывалось женское лоно.

Забавный у неё акцент, но наш язык она худо-бедно понимает, и это хорошо.

– Замолчи, дурёха. Дай сосредоточиться, – процедил я, понимая, чего боится рабыня.

Не трону её, хотя мог бы. Но моё ложе только вчера утром, когда подоспел брат, тактично покинула светлейшая Танра, взъерошив нам обоим головы ладошками на прощание. Единоутробный странник долго цокал языком, восхваляя обворожительную деву, которую я привечаю в своём доме. После полногрудой и крутобёдрой дочери рода Кунсаманри эта тощая замухрышка не впечатляла.

– Что делаешь? – почти над ухом прошептала Мираэль.

– Что тебе надо? Что ты прилипла? В куклы не играетса? – огрызнулся я, не оборачиваясь.

– Ты вчера отцу обещал, что меня в ученицы возьмёшь.

– Да? – переспросил я, оторвавшись от рабыни и проведя ладонью по лицу, опухшему от хмельного.

О, великие боги! Всё верно! Обещал.

– У тебя дара нет, – попытался я вяло отречься от обещания.

– Магистр Марамек сказал, что есть. Я теперь буду госпожой некридой, дочерью жизни и смерти, повелительницей нежити, – пафосно произнесла Мираэль, горделиво выпрямившись и повернув голову в профиль.

Я же глубоко вздохнул, предчувствуя, что спокойная жизнь кончилась. Племянница настырная, как её отец, не отстанет, пока не добьётся своего. К тому же клятва. О, боги!

– Мне просто нужно проверить, не обрюхатили ли её пираты, грабившие северный берег, а потом продавшие брату, как жемчужину льдов, – наставительно начал я, снова сунув ладонь под одежду рабыне. Пальцы скользнули по мягкой и тёплой коже живота, жёстким лобковым волосам и остановились у самого женского лона.

– А-а-а, – протянула Мира, – мама тоже меня водила к целителю. Боится за мою девственность.

– А она у тебя ещё есть? – с усмешкой спросил я, чувствуя, как под пальцами растеклось лёгкое тепло, смешанное с мелким покалыванием, извещающая о целостности внутренних органов.

Даже удивительно, что нет никаких повреждений женского лона. Я-то был уверен, что её насильовало не менее двух десятков оголодалых моряков. Впрочем, если девушку изначально хотели продать подороже, то могли вполне сносно с ней обращаться, поддерживая товарный вид. Вот только страшных баек ей понарасказывали столько, что все поджилки у бедной трясутся, того гляди обмочится прямо на скамье.

– Представь себе, – огрызнулась Мира, – я же не шлюха какая. Я честь блюду.

Тяжело вздохнув, я продолжил осмотр. Из всех повреждений нашлись небольшие потёртости на запястьях и лодыжках от тугих верёвок. Не найдя больше ничего, приложил ко лбу рыжей рабыни указательный палец и зашептал заклинание.

– А это что? – тут же подалась вперёд племянница.

Она наклонилась и упёрлась руками в колени. Чёрная косичка, свесившаяся через плечо, защекотала мне спину концами непослушных волос.

– Не нужно мешать колдуну, когда он заклинание читает, – пробурчал я, а потом начал пояснять. – Я наложил нить Миссаны. Петля дичи кидается на подопечного, петля ловца на того, кто наблюдает. Это даёт небольшую связь, так что можно воспринимать ощущения чужого тела и знать, где примерно оно находится. Это полезно при контроле целителем здоровья другого человека, и несложно для чародея. Такую же накладывают на детей и нерадивых девушек. На девушек особенно в период цветения, дабы знать, не провели ли они ночь с кем-либо. Заклинание хорошо тем, что его почти невозможно снять постороннему магу.

– Зелёнка зелёная, – восхищённо произнесла Мира.

– Это что за молодёжный говор?

– Ну, замечательная вещь.

– Не радуйся, – ухмыльнулся я, – на тебе такое же стоит. А второй конец на матери. Так что не зря тебя к целителю водили. Мать почувяла страсть и любовный экстаз.

Мираэль сжала губы, опустила голову и покраснела так, что румянец стал виден даже через смуглую кожу.

– Не было у меня мужчин, – наконец, процедила она и добавила. – Никак не снять?

– Да так и понял, что ты одна была, – произнёс я, а потом смилостивился. – Хорошо, на себя переброшу нить. Я её ставил, и ключ-слово у меня. Только пообещай не уединяться.

– А когда снимешь? – спросила сникшая Мира.

– Ну, либо когда выучишься всему, либо когда замуж выйдешь. То есть, ближайшие три года точно нет. Тебе всё равно нужно сосредоточиться на учении некромантии.

Я вытянул руку, на мгновение коснувшись лба племянницы, а потом посмотрел на рабыню. Когда же моя рука взяла из шкафчика для письменных принадлежностей небольшой острый нож, которым я открывал конверты с письмами, она заревела и схватилась за подолы сарафана, пытаясь, с одной стороны, не задеть меня, а с другой – снять одежду.

– Гашпадин, я лягу на ложе, только не делайте иж меня ходячий труп.

– Дура, – зло пробурчала Мира за спиной.

Я молча остановил рабыню и срезал с тощей бледной шеи красный шёлковый шнур с висящей на нём медной бляшкой, значащий временную принадлежность прошлому господину, бросив тот в огонь. С похмелья руки немного дрогнули, и из царапины на её горле потекла кровь.

Потом заживлю, шрама и так не будет.

– Гашпадин, пажалушта, гашпадин. Я умаляю ваш, – бухнулась на колени и затараторила рабыня, неправильно истолковав мои действия.

Боль от её ушибленных коленок передалась мне. Я скривился, но связь не обрубил, лишь аккуратно защёлкнул тонкий золочёный ошейник с инкрустированными в него гранёными кусочками прозрачного, как слеза, хрусталя и узенькой серебряной табличкой. На табличке была вытравлена кислотой до черноты фраза: «Сие езмь господаря Иргáтрэ Орса ценность».

Старомодно, но я не хочу менять. Крохотный замочек, качающийся как подвеска на колье, можно было отодрать пальцами, но ей это пока знать необязательно. Ошейник защитит от лишнего внимания, а если потеряется по незнанию мест, то любой стражник вернёт. За серебряную монетку, разумеется. А сбежать ей теперь некуда. На родине сожгут заживо, как осквернённую проклятой землёй.

– Вина, – коротко бросил я.

– Пьянь, – пробурчала Мира, а рабыня бросилась к столику, словно в быстроте заключалось её спасение от ужасных мук.

Она даже уронила серебряный поднос с яблоками, и тот загромыхал по всему залу, заставив меня ещё раз скривиться. Но вот вино в блестящем кувшине оказалось передо мной в дрожащих руках девушки. Я аккуратно подхватил его за ручку и отпил несколько больших глотков. Оно было некрепким и обладало лёгкой кислинкой красной смородины, самое подходящее для похмелья.

– Пей, – сказал я, протянув кувшин своей новой рабыне.

– Гашпадин?

– Пей, говорю.

Девушка пару секунд смотрела на светло-жёлтую жидкость, а потом приложила губами к серебряным краям, да так, что пришлось останавливать её.

– Тебя как зовут?

– Такбля, гашпадин.

– Я твой новый хозяин, господин Иргáтрэ. Иргáтрэ Оursa. Понятно?

– Да, гашпадин.

– Повтори.

– Гашпадин Ильгатле. Ильгатле Ольща.

Я немного опешил от такого произношения моего имени. Дурацкий акцент. Девушка опять съежилась, не понимая, чем задела меня.

– Тагáтория! – громко позвал я, задрав голову.

Эхо не успело пронестись по залу, как дверь тихонько скрипнула, и помещение вошла пожилая служанка из вольнонаёмных.

– Таря, распорядись, чтоб мяса принесли, и одень Таколю, как подобает в сопровождении господина. Капли валерьяны дай ей, а то запуганная она. Я её на каменоломни возьму.

При слове «каменоломни» из угла донеслась новая порция нытья.

– Да где ж не запуганной ей быть? – ответила служанка. – Вы вон с ножом и в одном полотенце, да с пьяной рожей перед ней стоите. Она и у пиратов страху натерпелась, а ныне ещё и среди нежити побывала.

Я удивлённо вздёрнул бровь.

– Да вы с вашим братцем, да ниспошлёт доброму господину Великий Владыка здоровья, так нажрались на радостях долгожданной встречи, что не помните, как притащили сюда умертвие и давай в него парные игровые ножи метать.

– Да? И кто выиграл?

– Да никто. Токмо все шторы порвали. Менять поутру пришлось.

– А...

Я коротко метнул косой взгляд на рабыню.

– Ваша краля, пресветлая госпожа Танра, да ниспошлёт богиня жизни ей сотни лет красоты, может быть спокойна, вы девку не тискали, вы только её копчёной змеей пытались накормить со словами, у вас там такого нет. Она же жуть как их боится, и змей, и мертвяков, она же северная. Там это за проклятие считают. А потом пытались оживить жареного петуха.

– Получилось? – с надеждой спросил я.

– Нет, хозяин. Но в печке его на всякий случай сожгла. Мало ли кто отравится потом.

– Может, ты ещё скажешь, зачем мы это делали? – с лёгкой улыбкой поинтересовался я.

– А я знаю, хозяин, какие дурные мысли вам в головы пришли? Вы как дети. Хорошо, что ваша матушка не видела, да продлятся её счастливые годы.

– Ладно, хватит об этом, – оборвал я речь своенравной и сварливой служанки, которая была при нашем доме ещё тогда, когда я ползал на четвереньках и не умел разговаривать. – Жратвы на нас троих и одеться.

– Да, хозяин.

– Пропойца, – буркнула молчавшая всё это время Мира.

Служанка поклонилась и вышла, чтоб через пять минут появиться снова с белоснежным платьем из тончайшего шёлка. В то же время я был уверен, что уже весь двор знает о наших выходках. Всё-таки некромант фигура видная, и его жизнь не утаишь.

Глава 2

Якорь на каменоломне

Мираэль я отправил домой за вещами, чтоб она могла поселиться в моей усадьбе на правах ученицы. Тагатория переодела напуганную Таколю в один миг, нисколько не постеснявшись моего присутствия, отчего перед моим взором предстала тонкая девичья фигурка с едва развитыми грудями. Та же Мира была в сравнении с ней пышногрудой нимфой, хотя и не обладала чем-то выдающимся. Как оказалось, веснушки покрывали не только лицо рабыни, но и тощие плечи и спину. Совершенно непонятно, что в ней брат нашёл. Если только из жалости подобрал. Впрочем, определённая интересность в ней имелась. Особенно привлекали внимание огромные изумрудные глаза, полные какого-то беззащитного обаяния, как у голодного бездомного котёнка.

Сам я оделся в короткую тогу цвета тёмной вишни с кантом из чередующихся чёрных и жёлтых полос, то были традиционные цвета гильдии некромантов. При этом дома предпочитал ходить в одежде светлых тонов.

На ноги наскоро нацепил добротные сандалии.

Но перед этим склонился над остывшей бадьёй и, воспользовавшись небольшим зеркальцем, мыльной кистью и бритвенным ножом, соскрёб щетину с лица и головы, как того требовал Устав гильдии некромантов. Не подобает служителю нашей профессии ходить с паклями.

После моего ухода бадью унесут слуги, а Таря протрёт пол.

Я встал перед зеркалом. В нём отразился высокий смуглый мужчина двадцати восьми лет. Лицо не то чтобы худощавое, но и не полное. Глаза карие. Гладко выбритая голова слегка поблёскивала в свете утреннего солнца, приникающего в дом. Нос прямой, мамин. Отцов нос, с лёгкой горбинкой достался брату, а вот его дочь тоже была с прямым носом, отчего шутили, что она больше похожа на меня, чем на него. При этом губы у нас с братом тонкие, а у Миры наоборот, пухлые.

– А вот и я! – раздался в зале звонкий голос, подтверждающий поговорку, что поминать лихо не стоит, в гости придёт.

– Зачем так громко? – спросил я, поворачиваясь.

Племянница стояла в дверях полностью переодетая. На ней сейчас красовалась лёгкая туника до колен из багрового шёлка, перетянутая двумя чёрными лентами – в области груди и вокруг бёдер. Если бы не эти ленты, то сквозь прозрачный шёлк были бы видны женские прелести. На левом плече туника прихватывалась золотой брошью, оставляя правое плечо открытым.

– Ты что так вырядилась?

– Я же ученица некроманта. Мне так положено.

Я вздохнул. Эта юная особа стоит на носу галеры и думает, что приплывёт раньше остальных.

– Ты пока не ученица.

– А как же клятва?

– Клятва клятвой, но мне ещё предстоит взнос сделать в казначейство гильдии за репетиторство. И за тебя надо внести вступительный взнос. Там бюрократов больше, чем истинных некромантов, и все как один важные.

– Не знала, – озадаченно произнесла Мира.

– Да, и пусть боги смилоствятся над нами, – громко выкрикнул я, а потом показал на рабыню. – Хватай эту, и пойдём.

– Темнотство, – выругалась племянница непонятным мне молодёжным говором, хотя я себя старым не считал, – она-то зачем?

– Потом поймёшь, – буркнул я и направился к выходу.

Летняя зала находилась на третьем этаже, и большие окна были только на ней. Остальные помещения либо имели узкие бойницы, призванные защитить от воров, либо выходили во внутренний дворик, мощённый мраморной плиткой. В центре дворика журчал небольшой фонтан, служивший как украшением, так и источником чистой питьевой воды. На фонтане стояли чары, поднимающие грунтовые воды по узким керамическим трубам вверх. Пришлось отдать хорошую сумму серебряных драхм опытному гидроманту, но работа того стоила.

Путь на каменоломню был длинный. Пешим ходом осилили его за полтора часа. По сути, сам городок обязан своим появлением белоснежному мрамору, что добывали недалеко от удобной бухты, и жемчугу, за которым ныряли вдоль береговой полосы в обе стороны от поселения.

Кроме того, здесь стоял небольшой морской гарнизон, занимавшийся ловлей пиратов, контрабандистов и залётных западных варваров, что были не прочь поживиться идущими для восполнения припасов торговыми судами.

Здесь же нашёлся и удобный перевал, позволявший вычным караванам сократить путь в случае перегрузки с кораблей на целую неделю до княжества Полуденных владетелей. Оттуда в основном везли шелка, специи, и диковинных рабов, а туда бумагу, мраморные изделия, хорошую оружейную сталь и свитки с целительными заклинаниями. Особенно славился заговор от зубной боли. Чары умерщвляли зуб, но не давали ему стнуть. Наша империя некромантов поставила это весьма прибыльное ремесло на поток. Зубы всегда у всех болели.

Кроме мёртвых, разумеется.

Со временем из промышленного посёлка расцвёл город и окружил мраморные копи со всех сторон. В него приехали умельцы по мрамору, ювелиры, кузнецы-оружейники и прочий мастеровой люд.

Благодаря мимоходным торговцам в городе появилось много коптилен, готовящих свинину, баранину, сыр и различную рыбу.

Усадьбы богатых людей, среди которых была и моя, воздвигались по большей части вдоль берега, на вечнозелёных холмах.

Я мог бы взять колесницу, но мне по нраву пешие прогулки, такие как сейчас.

Таколя всю дорогу молчала, тарашась на кипящие жизнью и утопающие в зелени улицы, удивлялась огромным гроздьям винограда, свисающим с овитых лозой плетёных заборчиков, шарахалась от трудящейся нежити.

Умертвия, возвращённые к жизни усилиями некромантов, таскали тяжёлые тюки, амфоры и корзины, перекапывали землю и поливали сады. Худые до невозможности трупы с медными, серебряными либо просто деревянными масками вместо лиц пугали её.

Зато Мира не замолкала.

– Дядь Ир, а когда мы пойдём в гильдию?

– Завтра.

– А когда мёртвых оживлять начнём? – спросила она, сорвав с нависшей над дорогой ветки сочную грушу.

Кожура под её тонкими пальцами лопнула, и по рукам побежал сок.

– Точно не завтра. Завтра мы тебе книги в библиотеке возьмём. Купим ритуальные принадлежности. Да и вообще, замолкни. Голова болит.

– Да-а-а? – ехидно протянула Мираэль, а потом ухватила рукой за колючий стебель розы, растущий вдоль дороги.

– Мира! – закричал я, схватившись за своё запястье.

– Нить Миссаны снимешь?

– Нет! – огрызнулся я. – Теперь я в ответе за тебя и не хочу, чтоб что-то случилось.

– А так?

Племянница подняла с дороги гвоздь и ткнула себе в бедро. Было видно, что она стиснула зубы от боли и захромала.

– Нет, – дёрнулся я, – я лучше откажусь от тебя. Отдам другому на попечение. Например, магистру Тулию.

– Да ты рехнулся! Все знают, что он извращенец! У него наложницы мёртвые! Я к нему не пойду! – закричала Мира, указав рукой куда-то в сторону, словно именно там находился мой коллега.

– Тогда к магистру Маркерию Край.

– А этот старый, как какашки Первого бога! Он даже двух слов связать не может.

– Он сильнейший в округе.

– Он был им полвека назад!

– Тогда прекрати дурью маяться, – произнёс я.

Дальше мы некоторое время шли молча. Но это молчание, как ни странно, прервала не Мира, а Таколя.

– Гашпадин, дажвольте ваплош? – наконец, осмелев, осторожно заговорила она, когда наше путешествие уже подходило к концу.

– Да, спрашивай.

– Жачем у них машки на личщэ?

– Когда кто-либо из нашего народа умирает, то тело не предают погребению, а поднимают и вновь заставляют приносить пользу обществу. И чтобы лица родственников и друзей не сильно бередили душу, их закрывают. Сначала ведь мертвяков использовали там, где даже каторжане мёрли, как мухи, от непосильного труда, либо в виде солдат первой линии, ведь никому неохота махать киркой в угольной шахте, таскать по болотам бревна или получать первые удары вражеских копий и стрел. Это потом стали закупать для быта.

– Гашпадин, а что вы тагда земле пледалёте?

– Во-первых, мы не хороним, а сжигаем, а во-вторых, нежить со временем тоже рассыпается. Кроме того, родственникам умершего перед поднятием тела отдают сердце покойного. Его и предают огню. В специальном месте, которое зовётся Полею Покоя, ставится камень с небольшой нишей, куда вкладывается посмертный сосуд. Это такая кубышка размером с кулак. Она из стекла. Туда помещается прах, крышка плотно запечатывается прозрачной смолой и накладывается заклинание. Внутри в ритме живого сердца бьётся цветной огонь, а посмертный сосуд издаёт тихий стук. Тук-тук, тук-тук, тук-тук. Очень красиво ночью. Сверчки, ночные птицы и пульсация сердец. Камнем ведь не ограничиваются, часто там такие произведения искусства, аж дух захватывает. Статуи, миниатюрные храмы, фонтаны, стенки с барельефами и мозаиками.

– Штлашно, – тихо ответила рабыня.

– Не знаю, мне не страшно.

– Там ночняк, – произнесла Мира.

– Что?

– Ну, очень хорошо летней ночью. Мы там с девчонками вино пьём, – пояснила племянница таким тоном, словно я законченный недоумок.

Ох, уж эти подростки.

– А мама знает?

– Неа. Но ты же не скажешь. Я же твоя любимая ученица.

Я усмехнулся, и все снова замолчали.

Мы шли дальше по городу, один раз уступив дорогу паланкину, несомому четвёркой умертвий, оттуда мне кивнула с приветливой улыбкой знакомая горожанка. Я махнул рукой в

ответ, а потом показал ладонью на пышную процессию посреди небольшой мощёной площади, обращаясь к Таколе.

– Смотри. Что ты видишь?

Таколя, затравленно уставившись на людей и не ответив, остановилась.

Толпа окружала фигуру воина в стальном доспехе-лорике и коротком шелковом плаще белого цвета, с полированной до блеска серебряной маской на лице, изображающей скорбь. Воин неподвижно стоял, держа в одной руке большой прямоугольный щит, а в другой копьё. На поясе у него в алых ножнах висел гладиус.

– Это похороны, – продолжил я монолог для испуганной девушки. – Ты спросишь, кого хоронят? Его. Того, кто стоит по центру. Да, он уже мёртв и поднят силами мастеров. Он мёртв, но продолжит служение родине, оставив своё сердце дома. Только достойные после смерти стерегут своих вдов и сирот.

– Чудосвётность полнейшая! – восхищённо глядела на процессию Мира.

Меж тем воин сделал шаг, а затем другой. С каждым шагом окружающие его люди прикасались к мертвецу, оставляя разноцветные отпечатки ладоней. Синие, красные, золотые. Это были пожелания удачи не умеющему слышать и говорить, переставшему жить. Тому, чьё сердце осталось сверкать на Поле Покоя. Воин шёл ровным и лёгким шагом к распахнувшему объятия в ритуальном приветствии некроманту от пятого пограничного легиона.

– Дядь Ир, а ты же тоже воевал. Расскажешь потом? – повернувшись ко мне, спросила Мира.

– Потом. Но лучше приёмы самообороны некроманта покажу. Вдруг пригодятся.

– Зеленьяк! Договорились! – коротко бросила Мираэль.

А потом мы молча дошли до места моей работы. Меня уже ждал другой некромант. Я должен был сменить его в бдении, а следующим полуднем сменят меня. Всего нас четверо. Он коротко рассказал о том, что случилось и о том, что не случилось за прошедшее с последнего моего бдения время, и ушёл домой. Я расписался в подшивной грамоте, что принял бдение.

В небольшом домике, где располагалась моя временная обитель, сразу появился управляющий каменоломней. На эти сутки предстояло наложить заклятие нетленности на сваи одной из штолен, дабы они не обрушили потолки, и поднять семнадцать свежих трупов, пришедших по разнарядке с горной каторги. Их уже выпотрошили, забинтовали и пропитали специальным раствором подготовленные работники. Осталось только оживить мертвяков.

Только дело этим не ограничивается. Нежить, такая как здесь, требует постоянного контроля. Нет, за ней не нужно следить из опаски нападения, наоборот, без воли некроманта они замирают, как марионетки, повешенные на гвоздик. Все эти триста трупов нужно завязать на свой разум, подстёгивать и толкать на действие, причём всех одновременно. К тому же такой работник умеет исполнять только то дело, которое может творить сам некромант, контролирующий его. Посему я умею махать киркой, пилить древесину, класть кирпичную кладку, носить коромысла с корзинами и даже биться в тесном строю. Адская работа, и к концу смены я сам буду немногим отличаться от мертвеца. Но и платят неплохо.

– Гашпадин, – тихо заговорила бледная Таколя, всё ещё находящаяся под впечатлением от увиденного, но понявшая, что убивать её не будут, когда мы остановились на краю мраморного карьера, чьи стенки уходили далеко вниз и чернели норами боковых штолен. – Зачем я вам?

– Да, дядь Ир, зачем? – подхватила вопрос Мира, вытирая пот со лба и держа в руке флягу.

Солнце встало совсем высоко и жарило не на шутку. Там внизу же копошилось множество неодоушевлённых человеческих тел, иссушенных посмертием, как рыба солнцем, с лицами, закрытыми грубо выструганными деревянными масками. Это отражалось в больших голубых глазах северянки на пару с суеверным страхом.

– Вы видите, их сотни и сотни, – медленно начал я. – Каждый связан со мной. Каждый черпает щепотку меня. Каждому нужно вложить мою волю. У этого есть большой минус.

– Что ешь? – спросила северянка.

– Плохая доля, – пояснил я. – Это затягивает меня в мир мёртвых. Мне нужен якорь, маяк, чтобы не сойти с ума.

– Маляк это я?

– Да. Ты отныне – люминэя, огонёк жизни, к которому я сейчас тянусь и за который цепляюсь. И нить Миссаны мне в этом дополнительно помогает. Между якорем и некромантом всегда очень тесная связь. Они со временем становятся ближе, чем любовники.

– Зеленьяк! А мне якорь положен? – тут же встряла Мира. – Знаешь, такого атлета, чтоб у-ух!

– Закончишь обучение, посмотрим, – с ухмылкой ответил я, а потом вздохнул и повернулся к рабыне.

Мне действительно было важно общение с якорем. Пальцы легонько приподняли её подбородок.

– Я тебя попрошу. Если я начну угасать, становиться бесчувственным как они, ты поймёшь, про что я, то будь как можно живее. Рассказывай что-нибудь интересное, подноси мне напитки и вкусные яства, в конце концов, просто тормози меня.

Девушка коротко кивнула, но по её глазам я увидел, что она ничего не поняла.

Ладно, обвыкнется.

– Ты меня боишься?

Северянка не ответила. Она только молча стояла, потупив взгляд.

– Я для тебя чудовище.

– Гашпадин, – тихо произнесла девушка, – я была маленькой девочкой, когда нежить убила всех в моей делевне. Они львали на куски всех, кого видели. Дети, белеменные женщины, сталики. Я спряталась в домике на делеве, что делают для птиц. Я видела. А потом пришли колдуны, что вели ту нежить. Они доплашивали мёлтвых. Пытали уже умельших. Они были хуже, чем звели.

– Ваши рыцари ордена Белого Пламени Талателики, которыми восхищаются мужчины, и перед которыми девы рвут на себе платья, не лучше, – ответил я, скрипнув зубами. – Они одержимы идеей, что уничтожив больше нашего народу, лишат нас источника пополнения армии умертвий. Я тоже видел, как они вырезали деревни с мирными жителями. Хладнокровно сгоняли в стойло людей, а потом сжигали заживо. Даже младенцев.

Я замолчал немного, прежде чем продолжить.

– Идёт затяжная приграничная война, тлеющая, как торфяник. Издали не видно, что именно горит, но всё в дыму и готово вырваться наружу в любой момент. Больше нет честных битв, где рать против рати, сталь против стали, наши армии мёртвых против ваших магов круга Белого Пламени. Только бесчисленные рейды. Там и рождаются эти чудовища с человеческим обликом. Но мы шли цветущим городом, и ты сама могла видеть мирную жизнь. Никто не пьёт человеческую кровь, не ест мозг детей, не наслаждается пытками. Все просто живут, взращивая урожай, занимаясь ремеслом, творя искусство.

– Там тоже мёлтвыле... – прошептала Таколя.

– А что мёртвые? Душа покинула эту обитель. Сердце сожжено на чистых углях, а прах запечатан в священных сосудах. Тело пусто, но оно может принести благо. Каких ты умертвий видела? Бегающих с ножом за горожанами? Нет. Они таскают воду, вспахивают огороды, работают золотарями. Мы встречали поднятых, несущих паланкин с престарелой женщиной, крутящих барабан для отжима белья, строящих дом. Это не чудовища, лишь инструменты. Они... Они... Они...

Мир подёрнулся пеленой, став мутным и безразличным, а потом резкая боль обожгла моё лицо. Я уставился на часто дышащую перепуганную северянку.

– Тьма темнучая! – выпалила стоящая за ней Мира.

Племянница тяжело дышала, а её глаза были большие и круглые, как винные чаши.

– Гашпадин, филильгэффи мель. Эга этлафа эkki аф, – протараторила Таколя дрожащим голосом на родном языке, а потом перешла на наш. – Вы жаштыли. Вы не шевелились и сшмотлели в одно мешто. Даже глажа не молгали. Мне стлашно. Я долго тол-мошитыващ, но вы так и штоять. Я удалить ващ ладонью по личщу. Площтите меня, гашпадин. Площтите, пожалуцта.

Она упала на колени и вцепилась в край моей тоги в страхе, что я стану её наказывать. По лицу потекли крупные слёзы. Я дотянулся до стола, взял кубок с чистой водой и высыпал порошок, постоянно хранящийся у меня в поясном кошельке в пузырьке. После чего выпил половину. Другую половину протянул рыдающей рабыне.

– Пей.

– Это что? – осторожным голосом спросила Мира, разглядывая сосуд в моих руках.

– Это лекарство. Оно укрепляет рассудок, – ответил я и пробормотал еле слышно. – Второй раз за седмицу, и сразу в начале смены. Нужно в отпуск. Нужно отдохнуть.

Мира молча переводила взгляд то на меня, то на мой якорь. А Таколя трясущимися руками держала кубок и пила из него, давясь слезами.

– Поехать бы сейчас по разным местам, – мечтательно произнёс я. – Синие грязи, горячие ключи, хвойный лес. Благодать. Тишина. Покой. Мира, поедешь со мной?

– А учиться? – спросила племянница.

– Там и будем учиться. Вечерами после грязей и на корабле во время странствия, – протянул я.

– Поеду. А её тоже возьмём?

– Да, мне ведь нужен люминэя-маяк, но хотелось бы без принуждения и лишних слёз. Жаль, что она меня считает исчадием ада.

– Ващ, навелное, нет, гашпадин, – старательно проговаривая чужие слова, произнесла северянка, – вы доблый.

Я улыбнулся и легонько провёл пальцами по её густым рыжим волосам. Да, я некромант, воле которого подвластны сотни и сотни трупов, но никто не может ценить жизнь больше, чем те, кто ежесекундно ходит рука об руку со смертью. Жизнь бесценна.

Но этой жизни нужен отпуск...

Глава 3

Порт и нежить

Высокий широкоплечий мертвец молча сделал шаг влево и поднял большой квадратный щит, в который со стуком воткнулась сначала одна стрела, а потом другая. Я посмотрел на блеснувшие в обитом кожей буйвола дереве наконечники стрел, а потом перевёл взгляд на густые заросли ивы и осины, откуда по нам стреляли северные егеря. Они делали это регулярно, заставляя всегда быть настороже.

Тёплый ветер с лёгким шелестом шевелил зелёную листву, а по тонким веткам прыгали встревоженные птицы. Самых же егерей не было видно, впрочем, как и всегда. И стреляли они не из луков, а из лёгких арбалетов. С такими можно подползти незаметно почти на сотню шагов.

– Я разберусь, – пробасил Ярлис.

Мой напарник легонько пошевелил закованной в воронёную сталь рукой, и шесть серых мохнатых волкодавов молча сорвались с места. Псы тоже были мёртвыми, потому не боялись копий, палиц и стрел, а к звериному чутью добавилась неумолимость нежити.

Я кивнул и повернулся к реке, где полсотни мертвецов с деревянными масками на лицах строили мост. Все они находились в моём ведении. Все они были моими марионетками, и те, что забивали толстые колья в сырой берег, и те, что стучали топорами по брёвнам, и те, что натягивали канаты. Речка неширокая, всего на три десятка шагов, но глубокая и с илистым дном. И если пеший легион перейдёт её по пояс в мутной и тёплой воде, то обоз придётся перегружать, а это риск намочить хлеб, солонину и палатки. Строить лодки и перетаскивать всё ими – лишняя трата времени. А терять время нельзя, ибо сердце войны не солдаты, не оружие, а хорошо спланированная транспортная сеть. И потому нужен мост для регулярного пользования.

Я смотрел на нежить, заколачивающую сваю по пояс в тине и ряске, а эхо молотов далеко разносилось над водой.

– Тагира, сыграй, – произнёс я, – что-то нехорошо мне.

Закованная в такую же броню, что и я, девушка сняла шлем с ярко-белым воланом из конских волос и кожаные перчатки, а потом достала из-за пазухи флейту и приложила к губам. К стуку молотов, визгу пилы и шуму листвы добавилась быстрая мелодия марша жизни. Пальцы девушки ловко бегали по отверстиям, рождая совсем другие образы, нежели война. Лишь когда издали донеслись протяжные крики разрываемых псами людей, она сбилась и опустила флейту.

– Играй, Тагира.

Но девушка вместо того, чтоб снова приложиться к своему инструменту, встала на свежошкуренное бревно и начала на нём прыгать и громко кричать.

– Вставай! Уже утро!

– Тагира?

Девушка со всего маха бухнулась на колени и тряхнула меня за плечо.

– А кто такая Тагира? – разгоня утренний сон, громко спросила племянница.

Я со стоном открыл глаза, увидев перед собой лицо Миры. Она сидела на коленях возле моей подушки и тормозила меня за плечо.

– О, боги, – пролепетал я, облизав губы, – позвольте мне умереть прямо сейчас.

– Не позволю, – весело ответила Мираэль, вскакивая на ноги.

Она была одета во всё ту же тёмно-красную тунику с широкими чёрными лентами.

– Ты хоть сандалии сняла, прежде чем на кровать заскакивать? – пробубнил я, понимая, что поспать больше не получится.

– А корабль когда отплывает? – вместо ответа звонко спросила Мира.

– Завтра утром. Сенатор Марут Ханрец у нас в городе останавливался по пути в столицу. Мы с ним до Митаки доплывём. Через месяц обратно. Там корабли чуть ли не каждые три дня ходят.

– Зелень зелёная, – бросила Мира молодёжное словечко, а потом снова спросила. – А кто такая Тагира?

– Один из моих маяков-якорей. Мы с ней всю первую войну прошли.

– Зелень. А что с ней случилось? Погибла?

– Замуж с ней случился. Я ей вольную дал и рекомендательные письма в придачу, – ответил я, потянувшись к небольшому серебряному кувшину с чистой водой.

Чары на нем делали воду всегда холодной.

– Так ты год без маяка?

– У меня было потом два маяка-музыканта, оба парни, но никто из них не продержался. Первый уволился, не выдержав постоянного присутствия мертвецов. Второй попал под обвал штольни. Когда его нашли, то это желе даже в качестве карьерной нежити нельзя было использовать, не то что как маяк.

– Ух ты. Ну, теперь у тебя новый маяк.

– Ты издеваешься? Нормальные маяки по праздным вечерам запросто менестрелями на свадьбах подрабатывают и на праздниках толпу забавляют. А эта двух слов связать не может. Если талантов не найду, отдам Тагитории в помощь на кухню, – укоризненно съязвил я, подойдя к столику с рукомойным тазом, взял кусок мыла и пододвинул поближе зубную кисть и порошок. – Полей на руки.

Мираель вприпрыжку подскочила ко мне и схватила умывальный кувшин.

– А что сегодня будем делать?

– В гильдию ходим, а потом халтурка есть. Обещал в порту на пристань для рыболовных судов нетлёнку нанести.

– Нетлёнку?

– Привыкай. У вас свой говор, у некромантов свой. Нетлёнка – это заклятие нетленности. Оно бывает разное. Для трупов одно, для дерева другое. Даже для разных видов нежити разное. И вообще. Нетлёнка – это одна из трёх ножек табурета некроманта. Так мне мой учитель всегда говорил.

– Ага. Табурет. А петля тогда что? – прищурившись, спросила Мира.

– Да ну тебя. Нетленка, подъём и нить приказов. Вот основа. И переоденься. Пока тебя не внесли в списки, гильдейскую одежду носить нельзя.

– А во что?

– Там в сундуке посмотри, – махнул я зубной кистью в угол.

– Ух ты. Я так и знала, что ты в женское тайком переодеваешься! – воскликнула Мира, направившись в угол комнаты.

– Дура! Это запасное у Танры!

– А она против не будет?

– Для племянницы нет. А вот если другая девушка, то да.

– Побьёт? – прищурившись, спросила Мира, достав из сундука тунику из прозрачного и невесомого синейского шёлка.

– Нет, но месяцок-другой без любовных утех на луну повою. А это положи на место, маленькая ещё.

– Сам же сказал, что любое, – огрызнулась Мира, но всё же достала белоснежную льняную одежду, бросив прозрачный шёлк обратно. – Отвернись.

Я развернулся и сунул в рот зубную кисть.

– Всё, я готова.

– Хо-ро-шо, – по слогам произнёс я, вылив на ладонь благовоние, а потом растерев по щекам. Сразу запахло терпким и в то же время цветочным. – Идём.

Мы быстро спустились и вышли из дома через главные ворота. Днём они не закрывались, тем более что на входе стоял здоровенный чернокожий мертвец с длинным волнистым мечом. Весь в шрамах, полученных ещё при жизни. Из одежды только набедренная повязка и серебряная искусная маска, изображающая злую рожу прирождённого убийцы. Не хватало таблички «Осторожно, злой труп».

Под ногами лежала песчаная дорожка с мелкой разноцветной галькой, ещё не успевшая нагреться от вставшего из-за горизонта солнца. Идти было не так уж и далеко. До порта и то дальше. Поэтому быстро дотопали до высокой серой башни, над дубовыми дверями которой висела маска мертвеца, сложенная из двух половинок – чёрной и белой. Как символ жизни и смерти. Дом гильдии. Обитель чудовищ страшнее нежити – бюрократов.

– Здравствуйте, господин Орса, – с поклоном открыв дверь, ответил придворный слуга, и я кивнул ему в ответ.

Он вольнонаёмный, и от меня не убудет от небольшого кивка.

– Где господин смотритель?

– Изволите позвать?

– Да.

Слуга скрылся в боковой двери, и мы остались одни.

– Что-то я большего ожидала, – негромко произнесла Мира. – Комнатка десять шагов всего.

– А чего ты думала? Это не столица. Тут всего два бездельника работают.

– Ну всё же.

Мы замолчали, а вскоре из-за двери вышел одетый в багровые шелка невысокий мужчина средних лет. На груди висел золотой медальон смотрителя. Мужчина зашёл за стойку и зашелестел бумагами.

– Чем обязан, Иргатрэ? Ежемесячный взнос принёс? Ты уже два месяца не платил.

– Да всё лень зайти, – отмахался я, снимая с пояса кошелёк.

В то же время смотритель остановил свой взгляд на Мире, медленно, словно раздевая, оглядел её снизу вверх.

– Твой новый маяк? Симпатичная. Уступи по сходной цене.

Я замер с кошельком в руке, и в тишине стали слышны злые слова девушки, которая нахмурилась и недобро зыркнула на смотрителя.

– Мой папа тебе шарики повыдёргивает. Вместе с языком.

– Ми-и-ира, – укоризненно протянул я. – Ты забыла, кто ты? Не следует тебе так говорить.

– А как, если этот... смотритель... он же...

– Ми-и-ира, тебе нужно говорить, мой учитель тебе шарики повыдёргивает. Это будет правильно.

– Это твоя ученица?! – воскликнул смотритель, – я не знал. Ты же не брал учеников раньше.

Я кинул на стол кошелёк, который брякнулся о дерево с тяжёлым стуком.

– Это за три месяца, за репетиторство и вступительные за неё.

Мужчина быстро схватил кошель и начал его расшнуровывать.

– Пиши, – произнёс я.

– Но сначала пересчитать нужно.

– Сейчас тебе зубы выбью, считать замучаешься, – пафосно произнёс я, услышав, как рядом хихикнула Мира.

– Хорошо, что писать?

– Пиши. Мираэль Орса, пятнадцати лет от роду.

Смотритель замер и недоверчиво поглядел на меня.

– Она твоя родственница?

– Дай подумаю. Она старшая дочь Тигриса Орсы, правой руки командующего экспедиционным легионом, та ещё стерва, так и чешутся руки мочёными розгами по голой заднице, но терпеть можно. Тигрис Орса мой старший брат. Ну да, всё сходится. Она моя племянница.

Рядом снова хихикнула Мира, а я продолжил.

– Всё, замучил. Неси жетон ученика. А то боги тебя покарают.

Смотритель соорил скорбную физиономию, а потом достал из столешницы круглый медальон, выполненный из полированной меди. На жетоне значилась разбитая маска на фоне пышного писчего пера. А на обратной стороне выбит номер. Этот медальон смотритель протянул, держа за простой серый шнурок.

– Идём! – произнёс я, развернувшись и направившись к выходу.

Мира быстро подскочила к стойке, выхватила из рук смотрителя медальон и догнала меня уже снаружи.

– Так просто?

– А что ты хотела? Если бы ты пришла вся такая незнатного рода и без поручителя, то тебя бы сначала отправили на смотрины в столицу. Определили бы какому-нибудь пьянчуге, который только и умеет, что с одним трупом выгребные ямы чистить. Ты бы долго искала себе нормального покровителя, возможно, через постель. В результате тоже ковырялась бы в приёмнике мертвецов из лечебниц для нищих. В не самом плохом случае вышла бы замуж за такого же горемыку, или за чародея мелкого пошибу другой гильдии, например, морозного куба. Их в столице много, ледники для продуктов обслуживать нужно в большом количестве. Ну, или если твой дар воистину огромен, тогда можно пробиться наверх. И опять же побывать в постели пожилого покровителя, сделать аборт, что, кстати, тоже забота некромантов, или родить для себя. За деньги тоже можно нанять репетитора, но он научит тебя так себе. Больше математике и грамматике, чем некромантии. Радуйся, что я твой дядя.

– Я умею считать и писать, – огрызнулась Мира. – А мой дар сильный?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Пока к практике не перейдём, я не скажу. Он есть, это точно.

– Откуда ты знаешь?

– Иначе бы тебя жетон не признал.

Мира подняла медальон на уровень глаз и сложила губы трубочкой. Круглый жетончик с ровным отверстием под шнур несколько раз крутанулся вокруг своей оси. Медь как медь. Да только на нём чары. В чужих руках он начинает звенеть, как упавшая на камень монета.

Мы шли дальше. Солнце потихоньку вставало, начиная припекать. Певчие птицы прятались в окружающих нас садах оливы, цитрусов, яблок и слив. Иногда над ними возвышались могучие орешники, а земля была усыпана крупными орехами. В воздухе витал аромат цветов, плодов и морских водорослей. Широкая дорога петляла между холмов, обнажавших порой большие белые валуны с разноцветными прожилками. По бокам дороги стояли утопающие в зелени домики. На плетёных заборах сушились горшки и сидели кудахчущие куры. Они недоверчиво провожали нас взглядами.

Несколько раз дорогу нам перебежали пятнистые кошки. Дети дружной гурьбой играли на перекрёстке в набитый соломой мяч. Им нужно было коснуться мячом до посоха богов, который изображала воткнутая в землю более или менее прямая ветка.

Домики бедняков не имели внутренних дворов и женщины полоскали бельё в больших деревянных кадках прямо в палисадниках.

Вскоре шум жилых домов сменился другим. Мы приближались к порту. А где порт, там и рынок. И запахи стали другими. Теперь пахло рыбой, корабельной смолой, копчёным мясом и вином. У домов исчезли палисадники, а сами они теперь вытянулись вверх, став двух- и

трёхэтажными, и обзавелись яркими вывесками постоянных дворов, трактиров и магазинов. Несколько раз попались ярко размалёванные портовые шляхи, из одежды на которых были только украшения да очень узкие набедренные повязки красно цвета.

Дорожка вывела нас к причалу. Возле него серел выгоревшим деревом небольшой домик, откуда нам навстречу выскочил старик в такой же серой, как и его лачуга, хламиде. На шее висел чёрный шнурок с бляшкой раба.

– Господин Орса! – прокричал он, хромя навстречу, – мой хозяин говорил, что вы почтите нас своим визитом.

– Ага, – буркнул я и направился к причалам. – Которая?

– Правая, господин.

– Хорошо, займусь. И передай хозяину, что с него бутылочка хорошей настоечки.

– Всенепременнейше. Завтра занесу.

– Завтра не надо. Через месяц. Я завтра в плаванье к Митакам.

– Господин, вы бы повременили, – тихо произнёс раб, – мои старые кости ноют. Шторм будет.

– Мы на хорошем корабле, – ответил я, поглядев на чистое небо, а потом присел и положил ладонь на доски.

Заклинания. Чушь всё это. Вся магия исходит изнутри. Слова лишь помогают сосредоточиться.

Я протяжно вздохнул. Нужно сосредоточиться. Нужно прочувствовать всё это старое мёртвое дерево с забитыми в него ржавыми гвоздями. Почувать каждую высушенную до серости и трещин досочку, каждую сваю, разбухшую от морской воды, покрытую слоем водорослей и ракушек, забитую в галечное морское дно.

По пальцам прошлось мягкое покалывание. Оно сначала было ровным, а потом начало вторить накатывающим на брёвна прозрачным волнам, в глубине которых виднелись камни, петь как лёгкий ветер, дующий с суши в море и обнимающий меня, Миру, старика и этот причал.

Почувствовал. А теперь приказывать.

– Я, Игратрэ Орса, некромант высшей гильдии, повелеваю мёртвому дереву, да не коснётся тебя глени, да отсохнут на тебе ракушки и водоросли, да не изъест тебя морская соль.

Покалывание плавно изменило ритм, начав биться, как человеческое сердце. Моё сердце.

По доскам начал расходиться всё нарастающий гул большого барабана. Бум-бум. Бум-бум.

Мира стояла рядом и, открыв рот, смотрела под ноги. Ведь она тоже сейчас чувствовала удары моего сердца, легонько бьющие по девичьим ногам сквозь подошву сандалий.

Бум. Бум. Бум.

Ритм сначала наращивал темп, а потом с одним сильным ударом, от которого севшая на причал чайка испуганно взлетела, начал замедляться, пока не остановился совсем. И я разорвал связь.

– Ну, вот и всё. Мира, пойдём на рынок, купим какой-нибудь гадости. Я устал.

– Дядя Ир. Это было нечто.

– Конечно, нечто. Я же настоящий некромант.

Я подставил племяннице локоть, она кокетливо взялась за него, и мы пошли. Настоящий некромант и его первая в жизни ученица.

А завтра нас ждало начало долгое приключение.

Глава 4

Настоящий некромант

– Поднять вёсла! – заорал капитан, стоящий на палубе триремы, укутанный, несмотря на тёплую погоду, в бело-синий плащ.

Он всегда кутался, пряча по привычке под непромокаемой тканью лёгкую кольчугу, одеяло поверх толстой льняной рубахи, и морской абордажный клинок.

На палубе с широкими щитами в руках и бронзовыми масками на лицах стоял десяток морской стражи, призванный защитить экипаж в самых непредвиденных ситуациях. Это были отборные мертвецы. Между ними бегали матросы из числа живых. Так повелось, что на флоте уход за корабельными снастями и управление судном доверяли только живым, как бы тяжело это ни было. Лишь гребцы – нежить. И стража.

Впереди быстро приближался, качаясь на серых тёмных и при этом тёплых волнах, ещё один корабль.

А я стоял у самого борта, вцепившись руками в дерево перил. Море было не моей стихией, но свободных войсковых некромантов не оказалось, и пришлось отправить меня. Море знало это и ехидно баловалось со мной, качая тяжёлое боевое судно, как детскую игрушку, и бросая солёные брызги на лицо и одежду.

Рядом стоял высокий худой мужчина, одетый в багровую тогу моей гильдии и лёгкий кожаный торакс, изображающий мускулистый человеческий торс. Бесплезная, но красивая игрушка, способная защитить только от удара кинжалом. На тощей шее качался серебряный жетон некроманта второй степени, а сам он широко расставил ноги, положив ладони на пояс. Гортатор – тот, кто управляет гребцами – всю жизнь проводит в плаваниях.

Он не шевельнулся, но было видно, как вёсла одновременно оторвались от воды, роняя многочисленные струи, как черепица домов после дождя. А потом они так же слаженно втянулись внутрь.

Мгновение спустя над волнами поднялся громкий треск, и трирема дёрнулась, как морской конь, которого потянули за поводья. Тяжёлое судно всей своей мощью ударило по касательной в чужой борт, и сейчас с наслаждением ломало чужие весла окованным медью носовым тараном.

На галере Северной империи гребцы были живыми, и им сейчас перемалывало кости рук и рёбра обломками рукоятей вёсел. Над морем взмыли крики боли, стремясь стать чайками и улететь отсюда подальше.

– Перехватывай! – прокричал сквозь треск худой коллега, протянув мне руку ладонью вверх.

Я хлопнул по ней своей, словно в приветствии, но на самом деле это ритуал передачи контроля. Сейчас незримые нити, тянущиеся к нежити, быстро вплетались в мою паутину.

– На абордаж! – закричал капитан.

Я прищурился, отдавая мысленные команды. В то же время из двух выходов с нижних палуб начали вереницами выбегать гребцы в деревянных масках, вооружённые короткими клинками. Несколько из них схватили абордажные мостики с крючьями и понесли к борту. По ним две сотни мёртвых солдат переберутся на обречённый транспорт северной империи Нальта, везущий войскам бинты и лекарства, подстилки и одеяла, пополнение редкими специалистами и ценный инструмент. Война – это не столько схватка один на один, сколько подлая игра с отравленными кинжалами и краплёными картами. Много из этого никогда не станет достоянием потомков, никогда не будет вписано в историю. Потомкам достанутся лишь битвы героев.

– Дядя Ир, – произнёс вдруг некромант звонким девчачьим голосом, – а ты раньше плавал на больших кораблях куда-нибудь далеко-далеко?

* * *

Я протёр лицо и поглядел на свою племянницу, выдернувшую меня из пучин воспоминаний. Она стояла на пристани рядом со мной, с восторгом глядя на многочисленные суда, качающиеся на лёгкой волне под крики чаек и мешанину человеческих голосов.

Люди спорили друг с другом, ругали нерадивых помощников, выкрикивали приветствия и обсуждали насущное.

– Твою мать, я же сказал это на нижнюю грузить!

– Нет, нет и ещё раз нет! Выходим только завтра! Мне плевать, что ты не успеваешь!

– Купи ещё два пуда солонины!

– Тяни! Ещё! Ещё!

Голоса смешивались в единое целое, озвучивая душу самого порта, как если бы он был живым существом.

– Разок катался на прогулку. Ну и в столицу не единожды. Я же там учился, – с ухмылкой ответил я Мире.

Не рассказывать же ей о резне, где я выглядел немногим лучше пирата на государственной службе.

– Ну, в столицу, – протянула племянница, отмахнувшись от меня. – В столицу и я плавала. До неё всего-то три дня вдоль берега. А вот так, чтоб на край света?

– Нет, – ухмыльнулся я.

– Тебя зовут, – вдруг встрепенулась Мираэль, развернувшись на месте так резво, что подол туники взметнулся.

Я обернулся. И в самом деле, к нам шёл пожилой мужчина, сопровождаемый массивным телохранителем, который поглядывал по сторонам, положив ладонь на эфес клинка, и рабом-писарем.

Мужчина в белой официальной тоге, прошитой золотыми нитями по краю, ещё не впал в старческую немощь, а седой волос придавал больше мудрости во внешнем виде.

– Господин Орса, – сильным с лёгкой хрипотцой голосом произнёс он, вытянув руки для приветствия.

Я сделал шаг к нему, немного наклонившись, дабы подставить плечи под сухие ладони. Ох уж эти политики, всегда стараются делать всё по ритуалам, даже если самих ритуалов в миру почти не встретишь.

– Рад вас видеть, господин сенатор, – произнёс я, дождавшись, когда жилистые, но сильные пальцы сначала сожмутся на моих плечах, а потом отпустят их.

Так раньше старшие приветствовали младших.

– А это, полагаю, твоя племянница Мираэль, – продолжил сенатор, не столько спрашивая, сколько произнося своё утверждение вслух.

Старик снова поднял руки и опустил их на плечи девушки, пробежавшись глазами по её лицу.

– Здравия вам и успехов во всех начинаниях, – тихо ответила Мира, склонив голову, как того требовали приличия.

Но я при этом едва сдержал улыбку, когда старик как бы невзначай нырнул взглядом в открывшийся зазор в лёгоньком платьице. Что говорится, и этот старый кобель туда же.

– Корабль отправится в плавание только с рассветом, поэтому приглашаю вас отобедать со мной, – продолжил сенатор.

– Мне бы не хотелось тратить время, – ответил я. – Нам нужно купить учебные принадлежности.

– Как интересно, – протянул старик, – позвольте вас сопроводить. Всегда было любопытно, как учатся некроманты.

Я снова едва сдержал улыбку. Это старый хрыч прекрасно знает, как мы обучаемся. И он даже не спросил, кто и чему будет учиться. Ему, разумеется, всё своевременно донесли. Но посылать его в дальнее странствие неприличного толку будет слишком грубо, всё же не торговец рыбой, и поэтому придётся смириться. Благо торговые ряды тут же, рядом с портом. Удобно, когда рынок большой и один.

Я поклонился и подал руку племяннице.

– Дядя Ир, что братъ-то будем? – полушёпотом спросила девица, оглянувшись на сенатора.

Она тоже была от него не в восторге.

– Увидишь, – улыбнулся я, направившись к рынку.

Иногда специально приходилось себя одёргивать, чтоб пожилой политик успевал за нами.

Рынок был близко и дошли до него быстро, окунувшись в новые голоса, новые запахи и новые образы. На нас не обращали внимания, а вот сенатору торговцы кланялись. Но скорее не ему самому, а большому золотому медальону, изображающему резную колонну, убранную лавровым венком.

Мы шли. Мира глядела по сторонам, стараясь угадать, что из всего этого может пригодиться в учёбе. Чтоб срезать путь, я направился к фруктовым рядам. По пути взял с лотка какого-то торговца большое яблоко, кинув девушке.

– Я не голодна, – буркнула племяшка, с подозрением глядя на фрукт.

– Ты яблоки не любишь?

– Люблю, но не хочу.

– Зря, – зловеще протянул я. – Первое время тебя при слове «мясо» тошнить будет.

– Не будет. Я мяса, что ли, не видела?

– Ну, в несвежей человечине точно не ковырялась.

– Фу, – скривилась Мира.

– Я о том же.

Одни ряды кончились и начались другие, а вскоре мы вынырнули на небольшую площадь, где шли торги живым товаром. Мужчины в набедренных повязках и обнажённые девы, связанные для приличия белыми верёвками.

В какой-то момент Мира встала, уставившись на высокого широкоплечего брюнета, который при виде её подмигнул и согнул в локте руку, поиграв тугими мышцами.

– А что, он не сбежит? – спросила Мира, когда мы продолжили путь.

Она несколько раз обернулась на ходу, разглядывая загорелого парня.

– Кто? Этот? Да он сам себя продаёт.

– Это как?

– Мира, я тебе удивляюсь, то ты кичишься, что тебя голым мужиком не удивишь, то слюни на этого атлета роняешь.

– Ничего я не роняю, – ответила племянница, протерев на всякий случай ладонью губы.

– К вечеру выползут на свет состоятельные матроны. И его купят.

– Зачем?

– Да потому что это бездельник. Город не бедный, состоятельных горожанок хватает, а уж тех, кто с удовольствием ляжет под него, тем более.

– Но продаваться-то зачем?

– Из-за правовых особенностей. Раб на наследство права не имеет. И алименты госпоже, если что, не платит.

Мы прошли мимо нескольких обнажённых барышень, возле которых уже я ненадолго замер.

– Тоже слюни роняешь? – ехидно спросила Мира, подхватив меня под руку и показав язык ближайшей рабыне.

– Разумеется. Ты лучше на сенатора посмотри. Его точно сейчас сердечный приступ хватит.

Мира поглядела на старика, облизывавшего сухие губы и глядевшего на девушек, а потом хихикнула.

– Наверняка купит себе одну.

– Не купит. Эти не продаются.

– Почему? – опешила племянница.

– Они для привлечения покупателей стоят, а вечером пройдутся по городу в столичных шмотках, зазывая к торговцам тканью. Продаются вон те, одетые, к тому же получившиеся попроще лицом и телом. Там кухарки, сиделки и швеи. Сейчас напряжённо на границе. Работать негде, вот поближе к столице и хотят перебраться. А готовое жильё и хоть какие элементарные блага здесь есть. А если родит от хозяина, то и привилегии какие-никакие появятся. Всю чёрную работу всё равно нежить делает. К тому же частный раб, в отличие от каторжного, имеет некоторые права.

Я сделал несколько шагов, посмотрев на совсем ещё юную девушку, которая понуро разглядывала покупателей. Поймав мой взгляд, она робко поправила волосы и одёрнула серое льняное платьице, наверняка купленное на последние гроши. Девушка была ровесницей Мира, но не похоже, чтоб жизнь у неё удалась. В таком возрасте только сироты могут сами себя продавать, или невесты, сбежавшие из-под венца от пожилого скряги. В южных провинциях такое вполне могло быть. На самой границе нашей империи до сих пор встречаются полудикие племена и народности с лютыми обычаями.

– А это что такое? – спросила Мира, замерев у накрытых тентом мест торговцев из Синейской империи.

Империй было всего три. Наша Ромерия, враждебная нам Нальта и расположенная на востоке Синейская. Остальное так, мелкие княжества и островные хаканаты. Разве что гиперборейское княжество Градарика да эрфы в западных лесах сохранили независимость, но что к градарицам, что к эрфам лучше не соваться даже опытному некроманту с тысячей неживых солдат.

Я поглядел сначала на желтолицых и узкоглазых торговцев, а потом на их товар. А поглядеть было на что. Торговали они не людьми. Синейские маги издревле хранили секрет смешения человеческих тел со звериными, отчего встречались человекоподобные существа, наделённые разумом. У них и армии пополнялись нелюдьми, и на полях с белой озёрной пшеницей работали такие же. Живой товар представлял собой десяток белых крысолюдей размером с годовалых детишек, два здоровых быка на двух ногах. Слышал, хеллины с островов Тэгейского моря кличут их минотаврами. Но в отличие от опасных монстров из мифов Хеллады, эти были покорны, как волы, тянущие повозку. Имелась ещё тройка девочек-кошечек. Тонкие, грациозные и полностью бесполезные в хозяйстве создания спали на тенте сверху, изредка шевеля большими ушами.

Я подошёл к синейцам. Один из них сразу начал мне кланяться.

– Госоподина чиото желает?

– Да, – ответил я, потянувшись за кошельком, – кошку-айцао.

– Ты что? – тут же подскочила ко мне Мира, поглядывая то на торговца, то на его живой товар. – Зачем тебе кошка?

– Это не мне, а тебе. Ты же хочешь некромантии учиться.

Мира поглядела на девочку-кошку, лениво потянувшуюся и зевнувшую на солнышке, и скривилась, словно представила кишащий червями труп.

– Я не смогу её убить.

– И не надо, – с улыбкой протянул я.

В это же время торговец достал из-под прилавка свёрток из холстины. Я расплатился и принял покупку в руки, а потом сунул Мире.

– На, будешь тренироваться на кошках.

Племянница приняла свёрток с недоверием, а потом развернула ткань.

– Фиу-у-у, – брезгливо протянула она, глядя на скукоженный трупик совершенно лысой кошки. Даже усов не было. – Что это за гадость?

– У нас здесь небольшая синейская община. Так вот, сушёная кошка-айцао у них считается народным лекарством для мужской силы. Они до сумасшествия озабочены поднятием мужской силы. Половина разговоров только об этом.

– Даже если так, – ответила Мираэль, поджав губы и глядя на странный подарок. – Мне-то это зачем? Я же не мужчина.

– Мне ещё мой учитель советовал. Мол, будешь учеников заводить, купи кошку-айцао. Она легче всего поддаётся чарам некромантии. Если говорить кратко, то это твой первый труп. К тому же не нужно потрошить. Да и пахнет не гнилью, а полынью.

– Всё равно гадость, – ответила скривившаяся Мира.

– О боги! А чего ты ожидала? Что это красивое и пахнет розами? Тогда поезжай в столицу, учись на мага огня или мага мороза. Может, ещё целитель из тебя получится, но лучше накрась губки и замуж, за кого папенька укажет, – вспыхнул я. – И больше не суши мне мозги.

– Я хочу быть некромантом! – тут же ответила Мира, взяв кошку и поплотнее упаковав сушёную тушку в холстину. – Я назову её Масыня. А когда учиться начнём?

– Вечером. До убытия корабля всё равно ещё ночь. А на корабле выспимся.

Я вернулся к сенатору, который до сих пор стоял у голых девиц, беседуя с торговцем на какую-то отвлечённую тему. Работорговец из вежливости отвечал, но было видно, что он уже устал от облечённого властью старика.

Сенатор при нашем появлении, блестя глазами, оторвался от беседы, отчего работорговец с облегчением выдохнул.

– А, Иргатрэ, оказывается, мне надо ближе быть к народу. Столь увлекательная беседа вышла.

Я сдержанно усмехнулся, посмотрев на голых рабынь, думая, что именно к такому народу сенатор хочет быть ближе. Нет, я не корил его. Старый политик за свои пятьдесят лет бурной карьеры действительно очень много сделал полезного. Но как говорится, старый воин грезит вскинуть алое копьё и броситься в бой. Особенно с таким противником.

– Как скажете, господин сенатор, – с лёгким поклоном ответил я ему.

– Ладно, ступайте. Увидимся на корабле, а я приценюсь здесь к чему-нибудь.

Ещё раз поклонившись, я махнул рукой Мире. Но направились мы не домой, а на припортовый постоялый двор, из тех, что получше. Там была заранее заказана комната, и отданы распоряжения принести вещи. Там же ожидала нас Таколя.

По дороге мы купили много заморских вкусняшек, новые тоги багряного цвета, писчие принадлежности и сумки для них, ритуальные ножи и чаши, а чтоб не нести самим, наняли носильщика. Портовый паренёк весело пел всю дорогу, получив несколько щедрых монет. Голоса у него не было, но сам ритм выходил забавным.

В комнату постоялого двора вошли уставшие, но довольные. В углу на тюках сидела сгорбившаяся рыжая худышка. При нашем появлении она вскочила и застыла изваянием. А в тишине раздался звук урчащего желудка.

– Ты почему не поела? – спросил я у неё, указав носильщику пальцем на угол, куда сложить покупки.

– Гашпадин, не пошмела взять ваши вещи, – робко ответила рабыня.

А я вздохнул. Помнится, Тагира без зазрения совести рылась в сумках с едой. Якорям-маякам, меж нами говоря, очень многое позволено.

– Это что ещё за клоповник? – задала с порога Мира, брезгливо оглядывая небольшую комнату.

В помещении, кроме наших вещей, имелись только три кровати с низкими ножками, крохотный столик и три обычных табурета.

– Ну, извини, – развёл я руками, – я не хочу ночевать на корабле, а идти с ночёвкой домой равносильно тому, чтоб совсем не спать.

– Но это просто чернытство, – ответила она очередным словечком из молодёжного говора.

– Лучше, чем под чистым небом, – отмахнулся я.

– А мы все в одной комнате будем? – не унималась Мира.

– Ага, – ответил я, скидывая на кровать пояс с кошельком и цепочку с жетоном некроманта.

Одновременно с этим я пощупал постель. Простынь чистая, подушка без клопов, а одеяло довольно тёплое.

– Я голая сплю, – смущённо понизила голос Мира, погладив ладонью свой локоть.

– Это твои проблемы. Устав гильдии гласит, что некромант в походе спит рядом с учениками и якорем-маяком. Доставай Масыню.

– Уже?

– А что тянуть?

Я подхватил руками столик и переставил его в угол, следом отправились табуретки. Мне самому не терпелось узнать, на что способна племянница, всё же первая в жизни ученица.

Мираэль осторожно положила на пол серый холщовый свёрток, а когда развернула, рыжая Таколя взвизгнула и прижалась к стене. Я со вздохом провёл рукой по отросшей за день щетине на голове. Ну прямо, неробкого десятка мне маяк достался, всем на зависть.

– Что делать? – спросила Мира, сев на корточки рядом с высохшим трупиком кошки.

Я достал из сумки с принадлежностями серебряное шило и протянул его ученице.

– Поскольку ты только учишься, то тебе нужна дополнительная связь. Проколи палец и капни на труп. Желательно на голову.

– И всё?

– Нет. Это только начало. Потом тебе нужно будет съесть кусочек трупа.

– Гадость, – сглотнув слюну, протянула Мира.

На её лице появилось столько отвращения, сколько я в жизни не видел.

– Шучу. Только кровь.

– Дядя Ир! – закричала племянница, а потом стукнула меня кулаком по плечу.

– Не отвлекайся, – рассмеявшись, произнёс я.

Сдаётся мне, что шутить над племяншкой станет моим любимым занятием в ближайшие пару лет.

Мира состроила злую рожу и ткнула шилом в палец. Впрочем, инструмент она тут же выронила, схватившись за руку. Тёмная капля, сорвалась с кожи и упала на кошачий труп.

– Кловь? – тихо спросила Таколя, а потом со стороны стенки раздался звук падения тела.

Я резко повернулся, уставившись на валяющуюся без сознания рабыню. Такого подвоха точно не ожидал.

Подожёл к рабыне и, подняв на руки, перенёс на кровать, а потом вернулся к Мире.

– Вот такого якоря не покупай, – указав пальцем на бессознательное тело, произнёс я.

– Уже поняла, – буркнула племяншка. – Что дальше?

– Сожми в левой руке жетон. Он поможет немного. А потом коснись тела правой. Можешь шептать любую ерунду типа «оживи, приди, проснись». Тут главное – твой настрой, а не слова. Дар есть, значит, всё получится.

Мира глубоко вздохнула, сжала жетон и, положив руку на голову кошки-айцао, начала что-то бормотать. Вслушавшись, я разобрал повторяемое раз за разом «пожалуйста».

Время текло медленно, как масло. Оно текло, отмеряемое ударами моего сердца. Моя первая ученица. Она должна. Она не может не сделать.

Дыхание стало тяжёлым, а сердце забилося ещё сильнее. Хотелось помочь, но нельзя. Она действительно должна сама.

Очередная капля густого времени упала из невидимой чаши в бездну бытия. А я боялся уже дышать. Но когда у кошки дёрнулось ухо, пришло облегчение, ибо первый шаг сделан.

Рядом подскочила Мира, и радостно завизжав, начала бегать по тесной комнате.

– Я смогла! У меня получилось! Она ожила! Дядя Ир!

Мираэль с оглушительным визгом бросилась мне на шею, чуть не уронив на кровать. Она прыгала на месте, не выпуская моей шеи, а я смотрел на дёргающуюся в слабых припадках кошку так, словно сам только что оживил своё первое существо.

– Да, ты настоящий некромант, – произнёс я, обняв девушку.

Глава 5

Пленники морей

– Живей! Живей! – раздался рядом крик, а потом полусотня всадников, вздымая холодные брызги, начала преодолевать брод быстрой речушки.

Волны едва доставали до стремян и заставляли намокнуть лишь конские ноги. Сами же скакуны фыркали и дёргались, не желая лезть в холодный поток. Их копыта поднимали муть со дна, которая тут же уносилась течением.

Всадники, грязные и усталые, а порой и окровавленные, с отрешёнными лицами держали поводья. Конный дозор. Воины равнодушно оглядели стоящую на поляне перед рекой нежить. Лишь некоторые замедлили бег, всматриваясь в толпу, облачённую в маски и серые холщовые набедренные повязки, возможно, выискивая знакомых, павших в бою и ставших ходячим мертвецами.

Не найдут. Я всегда делал нежить непохожей на живых. Вытапливал им колдовством жир, пропитывал травами кожу до зеленоватого оттенка и вырезал внутренности. Во-первых, от этого они становились легче, во-вторых, дольше не гнили, отчего проще обновлять заклятие нетленности.

Я провожал взглядом воинов и их скакунов. Лошади не боялись нежити. Они, в отличие от собак и кошек, не видели разницы между обычным человеком и прямоходящим трупом. Пёс же либо котейка никогда не подойдут к умертвию по доброй воле. Может, и не будет бояться, но и гладиться не станет.

Волки тоже обходили стороной нежить, а вот медведи считали лакомым куском, норвя утащить мертвяка при удобном случае.

Отряд ускакал, вода потихоньку очистилась, и Тагира с лёгким недовольным бормотанием наклонилась к журчащей кромке и начала полоскать мою и свою тарелки, смывая с них остатки каши. В воде уже мелькнула спина некрупной рыбины, подхватывающей варёную крупу.

Я сидел на небольшом, поваленном временем стволе осины и отхлёбывал горячий отвар из ягод, а когда мимо меня прошла ещё одна девушка, покачал головой и недовольно вздохнул.

Бледная красotka, одетая в белое откровенное платье и окольцованная золочёным ошейником, зачерпнула ведром воду и вернулась в палатку, стоящую рядом с моей. Там жил мой нынешний напарник.

– Почему он не наденет на неё маску? – спросила Тагира, присаживаясь на бревно рядом со мной.

Смуглая девушка встряхнула тарелки и начала их протирать пучком чистой соломы.

– А ты знаешь, что он с ней спит? – с ухмылкой задал я встречный вопрос.

– С кем? С трупом? – застыла, уставившись на меня, Тагира, а несколько мгновений спустя плюнула под ноги. – Это же мерзко.

Я пожал плечами и скривился, мол, не пробовал, не знаю. Тагира же ещё раз плюнула под ноги. Что ей можно было ответить? Не знаю. Я бы так не смог.

Вздохнув, я встал.

– Некоторые думают, что война всё спишет. Мол, на войне можно то, что нельзя дома. Только это навсегда останется с тобой.

Речка как-то разом сделалась шире и глубже. Заросли камышей исчезли. Волны, тёмные, как нависшие над ними в одно мгновение тучи, встали почти в человеческий рост, а ветер начал срывать с их вершин брызги. Поляна под ногами тоже потемнела, закачалась и закрипела досками. Растаяла в мираже воспоминаний Тагира.

* * *

Я стоял у самого борта галеры «Белая птица», положив локти на перила и вглядываясь в серую мгlistую даль. Там, в стороне, шёл ливень, заливая стеной небесной воды какие-то скалы, не иначе остров, их тут много, а сюда ветром доносило лишь брызги. Про такой ливень говорят, что владыка неба высек огненным хлыстом гребцов на своей небесной галере, и те плачут от боли. словно в подтверждение моих мыслей среди серых туч мелькнул ярко-белый бич-молния. А следом донёлся грохот от удара. Воздушные титаны-гребцы везли небесный мрамор для заоблачного дворца, который ежеминутно перестраивался по прихоти неугомного бога миллионами незримых рабов.

Я стоял, одёргивая одежду. Бордовую тогу гильдии я сменил на простую светло-серую, а поверх накинул зачарованный гидромантами плащ из тонкой шерсти. Он не намокал, словно натёртый воском, и не пропускал ветер. Очень дорогая, но при этом очень удобная вещь. Такой же набор выдал Мире, стараясь, чтоб багровый цвет не попадался на глаза во время отдыха. Впрочем, плащей с капюшонами было три. Свой непутёвый маяк я тоже не забыл.

Корабль шёл по морю уже третий день, отдаляясь от порта нашего городка. Погрузились мы буднично. Настолько, что вспоминать было нечего. Галера шла тяжело, загруженная тюками с тканями, вином и оловом. С нами путешествовала, помимо сенатора, какая-то небогатая матрона в сопровождении возрастной служанки. Имени я её не знал, да и не сильно старался пока узнать. А ещё была пара купцов, везущих живой товар для торгов в портах по пути следования корабля. Два десятка мужчин, закованных в кандалы, и если их не купят для личного пользования, то для таскания лечебной глины точно сгодятся.

Небо нахмурилось, стремясь стать таким же серым, как чушки того металла, что был нашим попутчиком. Ветер то ослабевал, то наваливался с новой силой, раскачивая судно.

Сзади пробежал матрос, неся в руках какой-то тюк. Капитан стоял рядом с рулевым на корме и что-то ему втолковывал, показывая ладонями. Я сначала нахмурился, ожидая неладное, но когда рулевой звучно заржал над какой-то пошлой шуткой, а капитан хлопнул его по плечу, выдохнул и направился в нашу каюту, расположенную на верхней палубной надстройке в числе прочих. Как только я, поглядывая на охрану сенатора, стоящую у соседнего помещения, открыл невысокую тонкую дверь, помещение встретило меня возмущённым голосом Миры.

– Дядя Ир, почему она только дёргается, словно больная пенной трясучкой?

Я поглядел на лежащую посередине крохотного помещения сушёную кошку. У той действительно лишь изредка судорожно шевелилась конечность, хвост или ухо. Порой она целиком вздрагивала, и этим всё дело ограничивалось.

– Ты неправильно задаёшь вопрос, – ответил я, мельком взглянув на забравшуюся повыше Таколю.

Рыжая северянка подтянула верёвки гамака, очутившись практически под самым потолком. Впрочем, тот и без того был низок, и хотя я не бился об него головой, но создавалось ощущение, что это вот-вот произойдёт. Широта и размах – это большая роскошь в море. Даже богатым гостям доставалась клетушка три шага на пять, где есть место только для трёх гамаков, расположенных под ними тюков с вещами и походных сундучков, да небольшого столика на очень коротких ножках. Синейская манера сидеть на полу поверх жёстких подушек прижилась в морских странствиях, ибо нет боязни, что что-то опрокинется.

– А как ещё можно спросить, если она просто дёргается? – рассерженно спросила Мира. Она надула щёки и губы и глядела на меня исподлобья.

– Нужно спрашивать так. О, великий учитель, дозвожь пасть твоей смиренной ученице к твоим стопам в поисках мудрости.

– Не смешно, дядя Ир, – пробурчала Мираэль, надувшись ещё сильнее.

Я усмехнулся при виде такого зрелища, а потом всё же сжалился.

– Мира, ты прочитала свиток с синей лентой, который я тебе дал?

– Да, но ничего не поняла.

Я вздохнул и сел на пол, вытянув ноги и прислонившись к стенке каюты спиной. Через тонкую перегородку стали слышны звуки невнятного проклятия. Там располагалась каюта писца и доверенного слуги сенатора, и, видимо, старик отдал несуразные распоряжения кому-то из них.

– Нетленность мы изучим позднее, кошка и так не плесневеет. Подъём зависит только от внутренних сил некроманта, а вот контроль требует воображения, постоянной практики и усердия. Показываю.

Я сделал вдох, накиннул на кошку чары осветочения, а потом прямо на четвереньках подполз к жертве. Снова вдох и выдох. А затем лёгкое прикосновение к высохшей до состояния вяленой рыбки тушке заставило на её коже вспыхнуть паутину тонких нитей. Одни тянулись к частям тела животного, другие всплывали вверх, медленно колыхаясь, как водоросли на малой волне.

– Что это? – тут же сунулась вперёд Мира.

Она села на коленки, упершись одной рукой в пол, а второй попытавшись прикоснуться к сияющим нитям, но те проскальзывали между её пальцев, словно струйки дыма.

– Я подсветил нити контроля. Так проще с ними работать. Жёлтые – это их остатки в теле там, где раньше были жилки. Бывает, у живого среди ярко-белых нитей встречаются блекло-жёлтые. Например, в убитом зубе или отсохшей руке. Это значит, в теле уже есть неживой орган.

– А это что за блохи?

Мираэль показала пальцем на быстро бегущие по нитям янтарные искорки. Те проскакивали по паутине, рождаясь из ниоткуда, а потом исчезая в никуда.

– Это крупички твоей воли. Но ты ещё не умеешь их умирять, вот они и скачут туда-сюда.

– А как научиться?

– Ты прочитала свиток? Там всё написано было.

– Темнотство, – буркнула племяшка, недовольно нахмурившись. – Это долго.

– Учиться всегда долго, зато потом...

Я снова сделал вдох и провёл ладонью над иссушенным трупиком с пустыми провалами глаз и оскаленной пастью. Искорки замерли, а потом погасли. Кошка обмякла, уронив переставшие дёргаться лапки на доски пола. Крупички моей воли вспыхнули яркими белыми звёздами, но не хаотичным месивом брызг на ветру, а выстроились равномерно и упорядоченно.

Следующим шагом я вытянул перед собой руку и растопырил пальцы. Искры метнулись вдоль кошачьего тела, словно невероятно быстрые муравьи, и сушёный зверь повторил за мной движение. Кошка вытянула лапу и выпустила когти на ней, а потом опустила лапу вниз и поцарапала доску.

– Зелень зелёная, – выдохнула Мира, неотрывно глядя на четвероногую нежить. – Я так же хочу.

– Учись и будешь. Я вон, с тремя сотнями нежити одновременно управляюсь, – ответил я, гася осветочение и разрывая нити контроля, отчего кошка замерла, снова становясь обыкновенным куском сушёного мяса.

– Научи меня подсвечивать искорки и паутинки, – тут же выпалила Мира, подскочив и повиснув на мне. – Научишь, дядя Ир?

– Этому надо несколько лет учиться. Это сложные чары.

– Ты же сам говорил, что это помогает новичкам, – с недоумением спросила племяшка.

– Говорил, – ответил я, обведя глазами крохотную каюту с небольшим стёклышком на входной двери, от которого падал тусклый свет пасмурного вечера.

Если бы не кристаллики солнечной соли, насыпанные в стеклянный кувшин и залитые водой, было бы темно. Кристаллики долго сохли на солнце, впитывая его свет, а когда снова попадали во влагу, начинали светиться ярким желтовато-белым сиянием. Если же сушить их над огнём, то и свет будет как у тлеющих углей. И в этом солнечном сиянии блестели зелёные глаза спрятавшейся в своём гамаке под простынёй Таколи. Одни только глаза и торчали, большие и внимательные. Что называется, страшно и интересно.

– Говорил, – повторил я. – Помогают ученикам, но создают их учителя.

– И во сколько лет ты этому научился?

– В семнадцать.

– Значит, и я быстро выучу, – выдала радостную фразу Мира.

– Да, только меня отдали в ученики в шесть лет. Именно тогда проявился мой дар.

Мираэль поджала губы, а я уже занёс руку над трупиком, готовый снова осветочить его, но в дверь начали часто и сильно стучать.

– Господин Орса! – прокричал незнакомый голос. – Господин Орса!

Мужчина вскрикнул, а потом послышался шум падения. Сразу после этого в дверь с силой ударили, да так, что она сломалась, криво повиснув на нижней петле. Мира и Таколя разом воскликнули, когда в каюту шагнул широкоплечий человек. Шагнул через труп слуги Сенатора.

– Все на палубу, – негромко, но уверенно произнёс головорез, показав в сторону длинным широким кинжалом с которого на пол капала свежая кровь.

Я молча глядел на него. С одним-то я точно справлюсь, но если там десяток таких, то придётся несладко. Кроме того, надо побеспокоиться о девочках. Подумав так, я обернулся на притихшую Миру и спрятавшуюся с головой под простынькой Таколю. Да, это мои девочки. Находясь среди мертвецов, я слишком быстро привязываюсь к живым.

– Да, – прозвучал мой тихий ответ этому пирату.

Никаким другим он быть не мог.

– Живей, – буркнул пират, выжидающе глядя на меня, – и без шуток.

– Да какие уж тут шуточки, – проворчал я. – Пойдёмте, девчата.

Пират сделал шаг, пропуская нас, и держа при этом свой кинжал в готовности к бою. Против ножа в тесном пространстве с голыми руками очень сложно. А козыри я не хочу раньше времени раскрывать.

Я перешагнул через тело слуги, взглядевшись в замершее в безразличии лицо. Следом за мной вынырнули испуганными мышками девчата. Таколя и так была не храбрая, да и Мираэль в первый раз в таком положении. Пират легонько толкнул в спину замешкавшуюся племяшку, отчего та затравленно поглядела на меня.

– Всё хорошо, – мягко произнёс я, стараясь выглядеть уверенно.

Но головореза на всякий случай запомнил.

Под бдительным надзором морского разбойника мы вышли на открытое место. Поближе к мачте. Там уже столпились путешественники и команда, а на большой бочке сидел человек. В котором я узнал купца живым товаром, и судя по всему, пираты и притворялись рабами, а теперь захватили судно. В подтверждение моих мыслей из-за надстройки вышел ещё один пират, толкая испуганного матроса, а с кинжала капала кровь.

– Брой, там трое наших кончились. Их охрана какого-то важного дедка зарезала.

– Какого дедка? – нахмурился главарь, привставая со своего места.

– Сейчас приведут. Вот этого, – показал молодчик, когда к нам вытолкали сенатора.

– Знатная добыча, – присвистнул главарь, а потом добавил. – Но главное – вы должны были некроманта-гортатора убить.

При слове некромант, Мира охнула, а я поджал губы.

– Того, что нежитью-гребцами управлял? Убили.

– Хорошо, – кивнул капитан, а я оглядел присутствующих.

Без некроманта остановившееся судно сложно привести в движение против ветра. Можно было обойтись парусом, да только ветер сейчас дул с открытого моря в сторону скалистого берега, постоянно меняя направление. В такую погоду без гребцов причалить к берегу большая проблема.

Меж тем на палубу согнали всех пленных. Это и путников, и моряков. Капитан корабля стоял, держась за руку, а из разбитого носа текла кровь.

– Я нежитью займусь, – пробурчал один из пиратов.

Я его видел под личиной помощника работорговца. Неужто наша некромантская братия подалась в морские разбойники?

– Справишься? – осведомился главарь, не отрывая взора от своих жертв.

– Там сорок гребцов. Должен.

Он направился к узкой лесенке, ведущей вниз, а я ухмыльнулся. Всего сорок. Я три сотни держать могу.

Главарь подошёл к пленным, каждого придирчиво осматривая, словно прицениваясь. Впрочем, так оно и есть. Остальные пираты обступили нас кругом, звучно переговариваясь и бросая сальные шуточки в сторону женской части добычи.

– Цыц! – рявкнул главарь, определившись с решением. – Матросню связать, потом продадим подешевле. За капитана и морепутников будем требовать выкуп. Особенно за этого старичка. Только за одного него можно получить столько, что город построить хватит.

– А груз?

– Ты обделён рассудком, что ли? – повысил голос капитан, – Сбросим подешевле на Мурнаке. Олово хорошо пойдёт. Война на него цены задрала до небес.

Пираты потом обсуждали разное, а я закрыл глаза, сосредотачиваясь. Мурнак это примерно сто с лишним миль на северо-восток от нашего порта. Далеко. Но если они захотят выкуп, то можно не бояться за наше здоровье. Пока размышлял, машинально пробежался по сидевшей на вёслах нежити. Некромант у пиратов так себе. Боги обделили его возможностями, и в случае необходимости я смогу вырвать у него нити управы и сам заставить нежить работать вёслами. Может, так и сделать? Перебью отребье, освобожу команду. Капитан жив, он подскажет нужные мелочи.

Я поглядел на своих девочек и улыбнулся, а в следующий миг услышал крик одного из пиратов.

– Брой, прямо по носу корабль! Демоны, он совсем близко!

– Проморгали, раззявы! – заорал главарь, быстро подскочив к самому борту. – Боги. Боги. Боги!

Я плавно обернулся, чтоб не разозлить пиратов, и увидел боевую бирему без знаков различия и знамён. Она неслась на нас, не снижая скорости. И вот это уже было плохо. Нас будут таранить.

Глава 6

Скалы на таран

Корабль приближался быстро и не более, чем через десять минут ударит нам в борт. Виднелись натянутые ветром паруса, вёсла, расположенные в два яруса и готовые убраться, и рождаемая тараном волна. Окованный нос судна то выскакивал из воды, то снова погружался в неё, словно дельфин, разрезая тёмные волны беспокойного моря. Чайки встревоженно кричали, стараясь держаться у самой кромки воды.

Да, положение хуже некуда, с одной стороны, объятый ливнем остров, а с другой – атакующий противник. Ветер сам нёс их прямо к нам, и времени на то, чтоб развернуть паруса, не оставалось, а сама попытка развернуться в открытое море лишь крала нашу скорость и подставляла бок для удара. Бирема же шла под небольшим углом к нам, предвосхищая любую попытку к бегству. Оставался только один путь – на остров. Будь мы в ином положении, я бы даже попытался принять бой, но мы и так уже пленники пиратов.

– Мира, Таколя, – негромко произнёс я, – держитесь крепче.

– Что? – переспросила растерянная племяшка, но я не ответил.

Я потянулся своей силой к неживым гребцам. Их было даже не сорок, а тридцать шесть. Некромант-гортатор держал их общей нитью, словно паук-крестовик, сидящий посередине своей паутины. Искры его воли прыгали по нитям словно рой комаров, далёкий от высокого мастерства.

– Сейчас вы должны схватиться за что-нибудь и крепко держаться, – прошептал я.

Мира кивнула и сразу начала бегать взором по палубе, заваленной мотками толстых веревок, заставленной тюками и ящиками. А я сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Дабы вырвать некри викситу – мёртвую жилу – у другого мастера, нужно обладать должным умением. Это болезненно для обоих мастеров, но ведь можно поступить по-другому.

Я повернул голову и прислушался к биению сердца. Тук-тук, сжималось и разжималось оно, гоня кровь по телу. Тук-тук, стучало оно, работая метрономом, отсчитывающим мгновения от рождения до смерти. Тук-тук.

Вот они, нити умершего человека, остывающие вместе с кровью. Осталось только пустить в них искры моей воли, что выстроят сложный муравейник для исполнения моих приказов. Обычно на подготовку неживого слуги требовалось время, но именно времени сейчас не было. Значит, придётся через боль, тьму на границе сознания и стиснутые зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.